

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Ноябрь-76

В центре повести «Нефтеразведчики» выпускники Литературного института нашего земляка Еремей Айпин образ молодого охотника Миккуля, который меняет древнюю профессию на новую: Миккуль становится буровиком. О первых шагах бывшего охотника в новой жизни, о трудностях и радостях нелегкого пути, избранного им, о подвиге, которые помогают Миккулю овладеть секретами бурового ремесла, и написана повесть. Вниманию читателей предлагается отрывок из этой повести.

Е. АЙПИН

НЕФТЕРАЗВЕДЧИКИ

Миккуль зашелкнул крышку элеватора и равнялся за новой свечой. Тут полку так трянуло — чуть не вывалился. Присел и вцепился в бортик. Глянул вниз — над ротором черные полукруглые мазики, словно повесили черную прозрачную розу — фантастическую и злобующую! Она издавала резкий шипящий свист. Скудда — и все пропало! Под лодкой раскатывались раскрытый пустой элеватор. Внизу ни души — будто всех проглотила черная роза. Необычная тишина давила на уши.

голосом пробормотал буровицики.

Наступила пауза. Кузьмич медленно поднял руку с часами, дичня смотрел на дифферолат невнятным взором и, подвывая тяжкий вздох, сказал чуть слышно:

— Идите пишите объяснительные! сейчас смена приходит.

Он спустился с мостков и ходил взад-вперед по рыхлому песку, дичня напропосо. Первая авария за два года работы мастеров. С чего являть? В разведке никто еще не обходился без аварий, всегда есть риск. Настоящий разведчик всегда рискует, без этого не обойтись. Только опытный мастер сводит возможность аварий к минимуму. Главное — как можно быстрее выйти из аварийного положения. Спеласьшь это вовремя — сангит, многое простят. На этой совети бригада, люди...

Кузьмич втоптал окурки в песок и поднялся на мостки. Началась ликвидация аварии. На свету навернула метровую трубу-переходник, в нее спустился все свеча, метчик должен попасть в ствол улетевшей трубы. Буровой инструмент начнут вращать с помощью ротора — метчик врезается в свечу. Если все будет удачно — можно поднимать.

— Думаешь, зацепит? — спросил буровицики Кошкар, осторожный мужичок с морщинистым старческим лицом.

— А что прикажешь делать?! — неожиданно взорвался Кузьмич. — Может, магнитом тянуть, а? — Да я... я ж не против. В балке он просмотрел объяснительные записки. — Черная роза? — мастер удивленно взглянул на Миккуля. — Я же видел. — Со страха тут что угодно увидишь! — вставил Костик — Я сам штаны чуть не попортил. Такой противный звук — аж мозги просверлили, будто бомба падает на тебя. В кино бомбы так падают. Роханов кричит: «Ложись!» — и сам рванул от пульта. Ну, думаю, человек он армейский, знает, что делать. Скатился я в роторе, доб чуть не разшиб Пронесло. Звук пропал, поднимаю голову — нет Роханова. Подумал, может, затепило его свечой и в скважину уволок, жалко все-таки — адекватчик хороший. Потом вижу — вероши окудута, вся рожа в растворе. Умора, дохотать некому. Я не

читали и книг, не видели кино, не сидели за партами и не были комсомольцами, а тем не менее... Миккуль вышел из балки — все равно не успел. Сонным котенком урчит буровал. Выветшими от полей стенами белеет женский балок. Безмятежно спит Надя. Назерное, как младенец, или утябается или хмурится. Кажется, впервые помярились тайге и бубовая. Помярились печалотло — до утра. Какая тишина и покой! И со всем этим придется распрощаться, с позором прогонят с буровой. И Надя будет смотреть насмешливо, со скрытым презрением, как в первый день. Стоит ли рисковать? Кто узнает, что именно он совершил аварию? А Надя? Ведь ей не соврешь, и жить как-то надо... Кузьмича, осунувшегося, с воспаленными глазами, расказал на мостках и выдохнул все одним духом. Чудак ты большой! — удивился мастер. — Как бы с открытым элеватором поднимать свечу? Как бы вращивали ее? Высказали: буровицики выводят. Наутро буровая завертелась адским колесом. Напрянули есезможные комиссии, начальство всех рангов, многочисленные специалисты. Во главе этой армии главный инженер Покровский, круглый маленький крепкий, энергичный и быстрый. Буровики любили его: за преданность разведке, за суровый твердый нрав. Всех подняли на ноги.

Миккуль отшвырнул шахтерскую каску в угол площадки. Сегодня первый раз надел и убедился, что невозможно работать. Голова стала огромной, как надутый шар. Каска задевает все, что есть поблизости, и гулко звенит. Снизу прибежал Костик, тоже в каске: — Соревнуется; я смылся на минутку. На мостках в группе рабочих стоял Покровский в мехпояктовой синей телогрейке, на коротко остриженной макушке круглая черная беретка. Левую руку держал в кармане, а правой энергично рубил фразы. Сверху он совсем кругленький — чистый колобок из скалки. — Вытащим, как ты считаешь? — спросил Миккуль. — А как же! Если нет — передвинем буровую и рядом новую скважину. Покровский так сказал. Но до этого не дойдет, вот увидишь!

...В девять вечера зацепили улетевшие свечи с турбобуром. Лебедка не скрипела, дизель гудела равномерно, без надрыва. Поднимали с большими предосторожностями, не дай бог, метчик плохо нарезал резьбу и свечи снова отвалились. Ни все обошлось.

Роханов объявил разговор. Вскоре он перешел в другое экспедицию. Разведчики сразу же забыли о нем, словно тут и не бывал.

Сунул голову под подушку но сон не шел. С детства он не знал лжи. Честность — главная черта его народа. Правда, иногда она выходила боком, но на это не обращал внимания. И он со злостью подумал, что предкам легче было быть честными, поскольку не знали ни буровых, ни аварий, ни нефти. Но она не

Н. ООЧИКИН
Этюд о снеге
Он взлетел облаками. Ветром веет и толкает. Мы берем его руками. Удивленно... А почему? Ну где найдешь такой снежок, Как не у нас, в России, русский.
Рассыпчатый, как сахарный песок, И, как икон капусты, хрусткий.
Песня о глухаре
Картель прошла его наскозом, И огонек потух. Прашля. Повесили на газды
Такую красоту. А тот? С ружьем? Он знал свое. Он был герой. Он пел. Он был доволен, что се На мясо перевел. Уж каждый в мыслях ел его. Уж чуточку вскипал. Глухарь висел и ничего Уже не понимал. Не знал он, в чем его вина. Что с сердцем? Что с крыльям? И в клюве клюквинка одна.
Горела янтарем.
Н. ЗАБОЛОНЕВА
ЗАДУМЧИВОЕ
Спит усталый балок На далеком разведке. Первозный гудок Не будил еще вельсы. Первоуродность снегов, Спеленувшая насыль... Отпечатай шагов, Одинокий шаг, Слово горькая чашка... Неразгаданный след Непрочитанных судеб, Как заветный секрет, Светлым отблеском будет.
Мам когда-то судьба Вся кавалера, Подарила, Не воскоше свела, Поняла и простила. И никак с лавки лет Не закинется по кругу Наш расчлывчатый след, Разошедший след, Нацелованный втрой.

Л. НЕСТОП
Я радость радуги в глазах твоих повсюду. Ты понимаешь, Я тебя... Я с неба звезд (ты хочешь?) навазочей Ты понимаешь, Я тебя... А ты? Ответь мне поскорей! А ты меня! Капели нет — Весну мороз сковал, А радугу я сам нарисовал. Бе я стар, остался слабый след. Я не сумел сказать «люблю».
А ты уже Снежала? — Нет!

Б. ДОЛГУШИН
Мне так порою не хватает роста, Так хочется помыслить стате, Руконь затронуть небо протесте И синеву взалоблет глотать. Душе моей навыворот не виться, Она навыворот Зреет с каждым днем. И вновь и вновь гневится На себя, На ложь свою, На многословье. Мне в новый день Так хочется явиться Другим, неповторимым человеком, И, взгляд кидая в ласковый простор, Идти, дышать двадцатым вечном.
Светлеет небо, голубеет лас, Знаю белым-бела И выхожу океане. И облака так искривили с небес. Моя душа светле и ослепле. И, невнятный, идущий Покрививает свечу, Вдыхаю трепетную свежесте. И есть предчувствие, Что я найду Себя, Ну, а потом, любима, тебя.

МЫ ДРУЖИМ С НЕБЕСАМИ.

Р. АСРИЯНЦ
Минута Молчания
Мы тождество вправе сегодня составим, Сведем ксимум простую на нет, На чаши Фемиды Минуту поставим И выведем целую Вечность в ответ. А тождество всюду: в солдатской шинели, В истерзанной, стонущей нашей земле, В трубах крематориев близ Опале, В устах, что «ура» докрячат не сумели. В бесцветных от соли глазах матерей, Которые плакать уже не умеют, В людских волосах, что ночами седеют,
В судьбе миллионов сироток-детей Одна лишь Минута, Минута Молчания. Она как бы символ святой тишины, Она как бы символ немого свидания — Незримой беседы без слов, без рыданий. Молчание — память героям войны. Минуте и Вечности... Мы их уравнивали, Погибших мы светлою памятью чтим, А чтоб обелики их вечно стояли, Минуту пред ними в Молчание стоим.